

Из раннего Венечки

Неизвестные страницы Венедикта Ерофеева прислал наш читатель Геннадий Зотов

Он написал нам, прочтя печальные строки о смерти автора знаменитой повести «Москва — Петушки». Оказалось, знались в молодости, и оказалось, с тех пор сохранились блокнотные странички, на которых он, Зотов, запечатлел момент рождения «Евангелия от Ерофеева».

Переписав все то, что у него хранилось с апреля 1962 года, «ничего, ни одной буквы и знака не меняя», Зотов прислал это в «Комсомольскую правду».

«В холодных странах водянистая часть крови испаряется слабо, и потому там можно употреблять спиртные напитки, но опасаясь сгущения крови».

(Mout. Spiritus liqivus)

«И была среди них дева, и бремя любви ее падало не на меня одного, и солнце сто тридцать раз садилось за горизонт, и я отверг». (Sv. ab. Ven. Ep.)

И было утро — слушайте! Слушайте!

Глава 1.

И было утро, и был вечер, и полыхали зарницы, и южный ветер сгибал тамаринды, и колхозная рожь трепетала в лучах заката. Мой разум глож, и сердце оскудевало, и не хватало дыхания, и грудь моя теснилась от миллиона предчувствий, и я в первый раз посмотрел на небо. Я, никогда не глядевший на небо.

И — в тот же час — свершилось! — сквозь метания бесполой звезды ворвался в унылую музыку сфер охрипший хор «серафимов», и за-

веса время заколыхалась от сумасшедшего томления, и раздалась надвое — и вопль озарения оглушил меня и опрокинул в придорожную канаву. И кто-то давился от смеха над моей головой, и тряс меня за волосы, и говорил: «Что делаешь ты, брат мой, в этом мире, Ты, который больше, чем божий мир?»

И я поднял голову, и дышал в пространство водочным перегаром, и ничего не видел, кроме тьмы.

И холодная грязь текла мне за шиворот, и было утро, и был вечер, и полыхали зарницы, и взгляд мой выражал недоумение, смешанное со страхом, и уши мои вздымались, и дыхание было прерывисто.

И бесплотный сосед мой говорил мне: «Слушай, меня — теперь — самый светлый из всех онемевших — ты хорошо ли исчислил сроки?»

Я один из тех, кто оставался до конца — с Ним и с Той — Ты помнишь?»

«Болван Игова — мы ничего не забыли — теперь хочешь ли ты идти со мной?»

Так говорил тот, кому я внимал и кто не хотел быть зрим. И я отвечал ему: «Жь бы ты ни был, слова твои ложатся мне на сердце, но божественный синтаксис твой не вполне изъясним». И он рассмеялся и сказал мне: «Наступит время, и ты поймешь — с тех пор, как звезда наша стала заново восходить, и перепуганный творец ввел в наших сферах систему тайных доносов, ни один мыслящий призрак не хочет быть по-

нятым в пределах, указанных тем, чей дух почил на небе с ударом молнии, возвестившей мое явление.

И вот — прежде чем расступится тьма, ты возвратишься в тот мир, которому теперь не принадлежишь, сердце твое сто тридцать раз сожмется от страха и таинственных речений, и увидишь край, где томится душа поверженного воинства Люцифера, и изведает силу трех испытаний, соблазнительные тысячи бездн, — и тогда разум того, чьи милости скрыты, осенит твою голову, разбухающую от неведения — ты этого хочешь, мой юный страдалец? Ты хочешь идти со мной?»

И он говорил, и меня забавляло проворство его декламаций, и все голоса во мне смолкли перед сладкой потребностью чуда.

И мгла становилась бездонной, и я заклинал его называть себя, и он не хотел, и шептал мне на ухо, и обливал меня дождем, и шекотал, и смеялся, — и уносил меня на крыльях блеющего смеха.

И, унося, раздвигал мои пределы, и обволакивал рассудок тьмой непроницаемых аллегорий, и все горизонты свивались в кольцо, и опрокинулся небосвод, и в нем растворились ликующие наши тела, отрешившиеся от бремени всех измерений, и свистели полуденные ветры, и с грохотом проносились тысячелетия из конца в конец эфирных равнин, — и — распахнулись врата Адовы.

Глава 2.

«Не бойся открыть глаза, —

говорил мне дух, сроднившийся со мной в изнуряющих блаженствах полета. — Не бойся открыть глаза, мой усталый брат, вот мы перешли рубеж, отделяющий горные страны от пределов, осужденных на покаяние и вечные муки.

И первое искушение 2/было 1/уготовлено 3/мне, и глаза, повинувшись, и раскованный взгляд блуждал среди мрачных теснин, и дымяные факелы озаряли утесы оловянным мерцанием, и на бледных щеках каждого из поверженных ангелов бросали сто тридцать раз фиолетовых бликов...»

Это было в рабочем общении на улице Полины Осипенко во Владимире. Там Геннадий Зотов субботним апрельским вечером успел переписать в свой блокнот только то, что успел: начало большой вещи студента Владимирского пединститута Венедикта Ерофеева. И еще запомнил шутивную строфу из ерофеевского стихотворения на подвиг Асхата Зиганшина с товарищами, спасавшимися в океане на неуправляемой барже (об этом тогда писали все газеты):

«Издыхла килька пряного посола,
Изглоданы спасательные кольца,
Последней жаждой иссушат голод
Затылки несъедобных комсомольцев...»

Публикация
О. КУЧКИНОЙ.